

Анатолий Михайлович Кузнецов¹
kuznetsov.2012@mail.ru

НУЖНО ЛИ НАМ ДЕОРИЕНТАЛИЗИРОВАТЬ «ВОСТОК»? ВЗГЛЯД АНТРОПОЛОГА

В статье представлен разбор концепции ориентализма Э. Саида на основе его работ разных лет. Результаты анализа дают основание принять точку зрения, согласно которой ключевым для этого автора является концепт «обмирщённость». Этот концепт ориентирует на изучение влияния условий среды, в которой субъект сформировался и продолжает своё существование, на его сознание и деятельность. Работы Саида предвосхитили некоторые идеи трансдисциплинарного подхода, в котором Б. Николеску развивал положение о Реальности как сложноорганизованной многоуровневой целостности. Важная роль во взаимодействиях субъекта и объекта при таком подходе отведена скрытому третьему. В результате определённые качества реальности оказываются внутренним свойством субъекта/личности и должны быть учтены в исследованиях. В российском востоковедении концепция ориентализма не достаточно оценена, но в последнее время в этой научной области наметилась тенденция к ориентации на трансдисциплинарный подход. Использование этой инновации может сыграть положительный эффект, но для этого надо усвоить её базовый теоретико-методологический арсенал и, в частности, разрабатываемую в нём концепцию личности. В итоге сделан вывод, что деориентализация является необходимой частью исследований не только Востока, но и любой другой среды, отличающейся по своим свойствам от той, к которой принадлежит сам специалист.

Ключевые слова: ориентализм, Э. Саид, обмирщённость, востоковедение, трансдисциплинарность, деориентализация.

Anatoly M. Kuznetsov¹
kuznetsov.2012@mail.ru

DO WE NEED TO DE-ORIENTALIZE THE “ORIENT”? AN ANTHROPOLOGIST’S POINT OF VIEW

The article presents an analysis of the concept of orientalism E. Said based on his work of various years. The results of the analysis give reason to accept the point of view according to which the key concept for this author is the concept of worldliness. This concept focuses on the study of the influence of the conditions of the environment in which the subject has formed and continues

¹ Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия.
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

to exist, on his consciousness and activity. Said's work anticipated some ideas of a transdisciplinary approach, in which B. Nicolescu (Nicolescu) developed the provision of Reality as a complex organized multi-level integrity. An important role in the interactions of the subject and the object with this approach is assigned to the hidden third. As a result, certain qualities of reality turn out to be an internal property of the subject/person and must be taken into account in research. In Russian oriental studies, the concept of orientalism is not sufficiently appreciated, but recently in this scientific field there has been a tendency to focus on a transdisciplinary approach. The use of this innovation can play a positive effect, but for this it is necessary to assimilate its basic theoretical and methodological arsenal and, in particular, the concept of personality being developed in it. As a result, it was concluded that deorientalization is a necessary part of the research not only of the East, but also of any other environment that differs in its properties from the one to which the specialist himself belongs.

Keywords: Orientalism, Edward Said, worldliness, Oriental studies, transdisciplinarity, de-Orientalization.

ОРИЕНТАЛИЗМ И ЕГО МЕСТО В КОНЦЕПЦИИ Э.САИДА

В течение длительного времени считалось, что *западная наука* и западный стиль понимания этно-социо-культурно-политической реальности являются универсальными для всех стран и регионов мира. Изменившиеся после Второй мировой войны обстоятельства в мире открыли возможности для появления альтернативных ранее доминировавшим идеологемам и парадигмам концепций. Произошедшее переосмысление *колониального* прошлого интеллектуалами из получивших независимость молодых государств, вылившееся в 1960—1980-е гг. в *колониальный* и *постколониальный* дискурсы, стало серьёзным шагом в критике *западоцентризма* [23]. Выход в свет работы американского учёного палестинского происхождения Э. Саида (1935—2003) «Ориентализм» (1978), показавшего отличия *образов* региона Ближнего Востока, созданных американскими, британскими и французскими дипломатами, путешественниками, чиновниками, военными и интеллектуалами, серьёзно подорвал уверенность в *универсализме* западного, по сути, колониалистского видения Востока [36].

Сам Э. Саид использовал при этом уже существовавший термин. Сначала ориентализмом называли *школу живописи*, образованную группой западноевропейских художников, которые посещали Ближний Восток и Африку и запечатлели то, что они увидели или вообразили в романтической, а иногда в экстравагантной манере [29, р. 3]. Другое, более распространённое, значение термина уже обозначало научную область [19]. В результате скрупулёзного исследования, прежде всего, произведений

литературы и искусства, Саид пришёл к основополагающему выводу: «...огромная масса писателей, среди которых поэты, философы, политологи, экономисты и имперские администраторы, приняла *принципиальное различие* (зд. и далее в цитатах: курсив мой. — А.К.) Востока и Запада как отправной пункт для разработки своих теорий, написания поэм и романов, социальных описаний и политических обзоров, касающихся Востока, его народов, обычаев, „духа“, судьбы и т.д.» [36, р. 2]. Вот эту базовую установку восприятия Востока в глазах «культуртрегера» Запада он и рассматривал как основу **ориентализма**, в отличие от *реального понимания* самого рассматриваемого региона, входящих в него стран и живущих здесь людей. Автор использовал свой концепт в трёх основных значениях, сначала в собственно научном: «Каждый, кто читает лекции о Востоке, пишет о нём или исследует его... является *ориенталистом*, а то, что он или она делает, есть *ориентализм*» [36, р. 2]. Затем, в более широкой трактовке — как «...*стиль мышления*, основанный на предписываемых Западом Востоку онтологических и эпистемологических отличиях». Наконец, в третьем варианте — в качестве корпоративного *института*, имеющего дело с Востоком, формирующего *представления* о его сущности... занимающегося преподаванием необходимых «знаний» о нём и вопросами эмиграции, а также поддерживающего *господство* над ним. «Короче говоря, ориентализм предстаёт как западный стиль доминирования, реструктурирования и осуществления власти над Востоком» [36, р. 2—3]. Другой принципиальный вывод Э. Саида состоял в следующем: «...так как ориентализм был столь авторитетен, то я верю, что ни один *пишущий* о Востоке, *думающий* о нём или *работающий* там не мог не оказаться в рамках *ограничений*, накладываемых ориентализмом на мысли и действия. Вкратце: из-за существования *ориентализма* Восток не стал *свободным субъектом мысли или действия* и до сих пор не является им» [36, р. 3].

Следует учитывать, что, обращаясь к своей концепции в последующих работах и будучи серьёзным литературным критиком и исследователем культуры, Саид вроде бы больше заботился о доказательности *эмпирической базы* высказанных им основных идей, чем о строгости формулировок, связанных с ними абстрактных понятий. Такой стиль затруднял адекватность понимания текстов нашего автора. Например, *культура* для него — это такие «...практики, как искусство описаний, коммуникаций или изображения, которые отличаются от экономических, социальных и политических реалий и часто существуют как эстетические формы, для которых одной из основных задач является *доставление удовольствия*». Конечно, эти практики включают «популярные рассказы об удалённых уголках мира и специальные этнографические, исторические, филологические и социологические знания и литературные истории», но где-то на втором плане [33, р. xii]. Не менее показательно и другое определение: «Когда я использую термин *империализм*,

я имею в виду практику, теорию, подходы доминирующего центра метрополии, управляющего отдалёнными территориями, т.е. „колониализм“, который почти всегда является последствием империализма, насаждаемым на удалённых территориях» [33, р. xxvii].

О трудностях, с которыми сталкивались интерпретаторы концепции Э. Саида, можно судить по противоречивости её оценок. С одной стороны, его «Ориентализм» приобрёл очень широкую известность, т.к. помимо разных переизданий в США и Великобритании, эта книга была переведена на 36 (!) языков. Признанием значения идей Э. Саида стало и появление публикаций, описывающих его биографию и основные идеи [например, 20]. Впрочем, и сам Саид подготовил мемуары, раскрывающие его жизненный и творческий путь [38]. Воздала должное концепции ориентализма одна из ведущих теоретиков *колониального дискурса* Г. Спивак, а известный историк постколониализма П. Чаттерджи приглашал своих читателей разделить с ним удовольствие от чтения «Ориентализма» [20, р. 139]. Вскоре идеи Э. Саида стали использовать для анализа проблем не только Востока, но и Африки. Популярность работы Саида привела к тому, что идею ориентализма стали применять к европейским [21; 22; 45] и даже американским реалиям [25]. Дальнейшее развитие этой темы позволило А. Дирлику поставить вопрос о *само-ориентализации*. Под этим термином понимался «...„тайный сговор“ европейских ориенталистов и некоторых азиатских интеллектуалов, которые использовали концепт „восток“, чтобы узаконить западцентрированный мировой порядок и бинарную оппозицию между Западом и Востоком как границу между мирами прогресса и отсталости, свободы и автократии, цивилизации и варварства» [44, р. 2417].

С другой стороны, концепция ориентализма вызвала и острую критику, сначала на Западе [29], а затем и в России («книга софизмов») [15]. Некоторые авторы пришли к выводу: «Сегодня ориентализм *исчерпал* свои возможности, и он выполнил свою историческую функцию...» [24, р. x]. Конечно, этот концепт позволил понять: «Полная катастрофа европейского историцизма определяется тем фактом, что он зашёл в *тупик*, универсализируя свой провинциализм, который они „продавали“ как „Современность“, принижая тем самым всех остальных и представляя их как „традиционалов“, т.е. *отсталых*» [24, р. xii]. Но сейчас, в условиях массового террора, по мнению Х. Дабаси, уже пришло время *посториентализма*. Не удивительно, что всё чаще стали звучать и призывы о необходимости *деориентализации* [30]. Как показал один из сторонников *практической* реализации этой акции, «...понятие деориентализма предполагает не только установление отношений между Востоком и Западом, но и расширение отношений между самими восточными странами. Поэтому процесс деориентализации предполагает *общую* ориентализацию самого Востока, на котором уже есть страны, как более ориентальные, так и более вестернизированные» [44, р. 2418].

В следующей своей монографии «Мир, текст и критик» Э. Саид вроде как отходит от обсуждения собственно ориентализма, уделяя много внимания анализу произведений Дж. Свифта и других писателей [40]. Тем не менее автор и здесь предложил несколько серьёзных выводов, например: «Это значит, с текстом связана особая ситуация, накладывающая ограничения на интерпретатора и его интерпретации, но не потому, что ситуация скрыта в самом тексте, как тайна, а в силу того, что она находится на том же самом рассматриваемом уровне, как и сам текстуальный объект» [40, р. 39]. Он снова показал также значение исторического подхода в исследованиях: «Строго говоря, без *разума* не было бы истории, а без истории, конечно, было бы невозможно *человечество*» [40, р. 112]. Отметил Саид и другой значимый момент — *повторение*, «...которое для Вико есть то, что происходит *внутри реальности* в самом действии человека на уровне *факта*, а также в его сознании, когда он анализирует сами действия. Таким образом, повторение связывает *причину* с жизненным *опытом*» [40, р. 113]. Снова автор подчеркнул и несоответствие ориенталистского «артефакта Восток» реальности Востока. «В дискурсе и дисциплине ориентализма определение — это „больше“ является основанием делать *филологическое различие* между „нашими“ индо-европейскими и „их“ семитскими языками с явным выделением этого различия среди других *отличий* и институциональных возможностей, чтобы делать заключения о восточной ментальности, восточной непостижимости, восточной ненадёжности и дегенеративности и так далее... Таким образом ориентализм и получил эпистемологическое и онтологическое доминирование над жизнью и смертью, над присутствием и отсутствием, над всем и каждым определяемым „восточный“» [40, р. 223].

Поскольку как критика «Ориентализма», так и некоторые положительные его оценки продемонстрировали непонимание замысла автора, то Э. Саид подготовил в 1985 г. статью «Переосмысленный ориентализм», которая должна была объяснить, в чём же заключается смысл его концепции. Он ещё раз констатировал: «Восток не был *полноправным* партнёром Европы, но её *молчаливым* Другим» [37, р. 93]. Он счёл необходимым пояснить: «В мои намерения не входило защищать арабский мир или ислам, как многие поняли мою книгу» [37, р. 92]. Тем не менее он скептически оценил наивность своего критика Б. Льюиса, который утверждал, что «...запрос Запада на знание о других обществах является *уникальным*, и он был мотивирован чистым *любопытством*, в отличие от мусульман, которые не были способны к получению знаний о Европе и не имели интереса к такому занятию, как если бы знание Европы было бы единственным приемлемым критерием подлинного знания» [37, р. 96].

Понимая, что исследуемая им проблема и регион, описания которого он анализировал, стали слишком «разогретыми» *политически*, автор должен был учитывать и это обстоятельство: «Так как мне кажется, что

невозможно скрывать правду о *политическом* происхождении ориентализма и его сохраняющейся политической актуальности, мы обязаны на *интеллектуальном*, также как и на политическом уровне исследовать *сопротивление*, которое очень показательно по отношению к тому, что отрицается» [37, р. 91]. Кажется, Саид даже позавидовал некоторым коллегам: «...насколько я знаю, как самостоятельная дисциплина *антропология* еще не имела дела с такими политическими ограничениями на свою предположительно *бескорыстную универсальность*» [37, р. 94]. Но как учёный он уверен: «...пересмотренный ориентализм при применении более точной и либеральной оптики открывает, ни много ни мало, *новые объекты для нового вида знаний*» [37, р. 91].

Описывая свои новые объекты, автор отметил: «Есть два вида проблем, которые я вынес на обсуждение, и каждая из них связана с основной темой, рассмотренной в „Ориентализме“. Среди них наиболее важными являются: *восприятие* других культур, обществ, историй; взаимоотношение между властью и знанием; роль *интеллектуала*; вопросы методологии анализа отношений между различными видами *текстов*, между текстом и *контекстом*, между текстом и *историей*» [37, р. 89]. В соответствии с поставленными целями Саид уточнил и некоторые свойства *контекста* своей концепции: «Ориентализм, конечно, связан с несколькими взаимопересекающимися явлениями: во-первых, с меняющимися историческими и культурными *взаимоотношениями* между Европой и Азией, отношениями с 4000-летней историей; во-вторых, с *наукой* Запада, в соответствии с которой, с начала XIX столетия мы занимаемся изучением различных культур и традиций Востока; и, в-третьих, с идеологическими установками, образами и фантазиями о важном сегодня и политически непредсказуемом регионе мира, который называется Восток». Для адекватного понимания авторской позиции следует также обратить внимание на следующее положение: «...как и в случае всех обстоятельств, которые Вико называл миром наций, „Восток“ и „Запад“ являются порождением *людей*, и тогда должны исследоваться как интегральные компоненты *социального*, а не божественного или природного мира. Будучи весьма отдалённой от упрощённо *политического понимания*, так называемая проблема ориентализма в реальности является *основополагающим фактом* любой теории интерпретации или герменевтики» [37, р. 90].

Продолжил свои комментарии Э. Саид на более близком ему литературном материале: «...каждая эпоха по-новому интерпретирует Шекспира не потому, что изменяется сам Шекспир, но потому, что, несмотря на многочисленные и заслуживающие доверия издания и переводы Шекспира, не существует такого нетривиального явления, как независимость Шекспира от его издателей, актёров, которые играют его роли, переводчиков, которые дают ему жизнь на других языках, сотен миллионов читателей, которые читают его или смотрят постановки его пьес

с конца XVI-го столетия. С другой стороны, будет преувеличением говорить, что у Шекспира совсем нет своей *собственной жизни* и он каждый раз заново возрождается, когда кто-то читает его, играет его героев или пишет о нём» [37, р. 92]. Обращение к Шекспиру и другим литературным классикам прошлого (Ч. Диккенс и др.) для Саида обусловлено характером основных источников его концепции. Но необходимо отметить, что восприняв от постмодернистов идею дискурса, он всё же не отрывал рассматриваемые тексты от *реальных условий* жизнедеятельности их авторов и читателей. Но автор понимает, что такие реалии, в том числе, складываются исторически, и старался всегда учитывать этот фактор. «Одной из составляющих ориентализма и одним из его *эпистемологических* оснований является *историцизм*, который развивали Вико, Гегель, Маркс, Ранке, Дильтей и другие...» Исторический подход позволяет, по его мнению, понять: «...историцизм означает, что общая история человека объединяет человечество скорее, чем достижение в ней наивысших позиций для обеспечения преимуществ Европы или Востока» [37, р. 101].

Но доводы автора, как это часто бывает, снова не все услышали. В этом отношении показателен выпад Р. Янга в 1990 г.: «Таким образом, если Саид *отрицает*, что есть некий *действительный Восток*, который может дать правильную оценку „Востоку“, представленному *Ориентализмом*, как он может заявлять, что репрезентация *фальшива*, а если *точная репрезентация* невозможна, на какой основе он критикует ориенталистов?» [43, р. 130]. Разве Э. Саид *отрицал реальность* Шекспира, несмотря на *противоречивость* его репрезентаций от многочисленных шекспироведов? Поэтому он продолжил свои пояснения в работе 1993 г. «Культура и империализм»: «...мой основной *тезис* состоит в том, что *рассказы* составляют сердцевину того, что исследователи и новеллисты говорят об экзотических районах мира; они также являются методом отстаивания колониальными народами своей *идентичности* и существования своей *собственной истории* [33, р. xii]. Между тем, как пишет автор: «Право на рассказ, а также блокирование появления других нарративов являются очень важными для культуры и империализма и образуют наиболее *значимое* отношение между ними» [33, р. xiii]. Решил он раскрыть и применённую им методологию исследований: «Мой *метод* заключается в том, чтобы сфокусироваться, насколько это возможно, на *индивидуальных* произведениях, сначала прочитав их как значимые результаты креативного или интерпретативного *воображения*, а затем рассмотреть их как часть *взаимоотношения* между культурой и империей». При этом было сделано важное пояснение: «Я не считаю, что авторы *механистично* детерминированы *идеологией*, *классом* или *экономической историей*, но авторы в различной степени, я в это верю, очень сильно *погружены* в историю своих обществ, формируют и *формируются* этой историей и своим социальным *опытом*.

Культура и эстетические формы, которые она принимает, закладываются *историческим опытом*, который фактически является одним из основных *субъектов* этой книги» [33, р. xxii]. обстоятельный разбор на выявление колониализма и империализма в произведениях литературы от «Больших надежд» Ч. Диккенса, «Кима» Р. Киплинга и других писателей до оперы «Аида» Дж. Верди закреплял приведённые методологические установки. В этой же работе 1993 г. Э. Саид поднял очень важную и достаточно личную тему интеллектуала-изгнанника: «В заключение я хотел бы отметить, что эта книга является книгой *изгнанника*. По объективным причинам, на которые я не мог повлиять, я рос как араб с европейским образованием. Насколько я могу помнить, я чувствовал, что я принадлежу к этим двум мирам, не будучи полностью включён ни в один из них. В течение жизни эта арабская часть моего мира, к которой я сначала более всего принадлежал, была буквально изуродована гражданскими потрясениями и войнами или просто перестала существовать. И в течение долгого времени я оставался *аутсайдером* в Соединённых Штатах, особенно когда я выступил против войны и занял непримиримую позицию (далёкую от совершенства) по отношению к культурам и обществам арабского мира. Всё же, когда я говорю „изгнанник“, я не имею в виду что-то печальное и не говорю об ущемлённости. Напротив, принадлежность, как это случилось, к обеим сторонам имперского разделения помогает мне легче их понять» [33, р. xxvi—xxvii]. Эту же тему роли интеллектуала автор продолжил в следующей своей работе [39]. Учитывая, что Э. Саиду приходилось время от времени снова объяснять, что он «...не собирался защищать и даже обсуждать Восток», что для него «Восток ориенталистов не объективная истина, а конструкция, точнее, стереотип об *инаковости* и *отсталости*», а «никакого иного реального Востока он искать не будет», — не приходится удивляться больше литературоведческому, освещающему стилистические вопросы содержанию его поздних работ [34; 35]. Поэтому можно согласиться со следующей оценкой его творчества некоторыми авторами: «...есть все основания рассматривать *изучение ориентализма* лишь как *один* аспект проекта, который захватил автора на многие годы. Этот проект был ориентирован на изучение отношений между *дискурсивными* структурами и *недискурсивными* областями (институтами, политическими событиями, экономическими процессами) и взаимоотношений знания и власти...» [23, р. 98—99].

С такой оценкой солидарны и другие специалисты, которые отметили ещё *один важный аспект*, на котором основывается концепция Э. Саида: «Его значение как теоретика культуры особенно заметно в двух областях: как основополагающий вклад в развитие школы постколониальных исследований, особенно благодаря его книге „Ориентализм“, и в отстаивании значимости понятия „*обмирщённость*“ (Worldliness) или *материального контекста* для анализа текстов и их критики» [20, р. 1].

Точно так же, как полагают Б. Эшкрофт и П. Ахлювалия, «...для Саида *теория* должна быть *укоренена* в реальном мире. Из-за его собственной обмирщённости мы не должны отделять Саида — литературного критика от Саида — теоретика культуры или политического комментатора» [20, р. 140]. Это свойство при работе с текстом, как считали эти авторы, устанавливается по следующему признаку: «Для Саида стратегия *репрезентации* является ключевым признаком „обмирщённости“ текста, т.к. она историзирует текст, который появляется в *реальном мире*, но при этом отстаивает своё независимое существование» [20, р. 6]. Особо при этом оценивалась *самобытность* концепции ориентализма: «Возможно, самым значительным моментом культурного анализа Э. Саида является то, что, в отличие от интеллектуально доминирующего на Западе постструктурализма, он отстаивал определённый и немодный взгляд на методы, которыми текст может быть снова *материально* воплощён в мир... а также материальную „обмирщённость“ людей, которые пишут тексты и читают их...» [20, р. 7]. Другой важный аспект этой концепции, как показали Эшкрофт и Ахлювалия, заключается в следующем: «Вопрос „обмирщённости“ или *собственной* позиции автора в *мире* подводит к сердцевине другого парадокса, центрального по своему содержанию для работы Э. Саида: как мы читаем текст? Ведь, как утверждает Саид, любой текст создаётся на основе многих доступных *дискурсов*, дискурсов, в которых самих *авторов* можно представить как *субъектов*, участвующих в процессе, который ещё не оформился у них в *сознании*, когда они прикладывают перо к бумаге» [20, р. 16].

Следовательно, кратко рассмотрев основные положения концепции Э. Саида, а также некоторые оценки его творчества, следует отметить следующие обстоятельства. Да, он не сформулировал целостной теории ориентализма, основные положения его «проекта» приходится собирать из разных текстов, но это не уменьшает их значимости. Эвристичность предлагаемых этим автором идей заключается в том, что он продолжал учитывать *связи* между *реальным миром* (Востоком), *авторами*, создаваемыми ими *текстами* или произведениями *искусства*, а также читателями и зрителями. Эта связь, получившая название «обмирщённость», заключается в том, что, несмотря на свою субъектность и свободу воли, человек — неважно, учёный, писатель, критик, деятель искусства или читатель — всё равно на неявном или явном для него самого уровнях воспринимает, а потом воспроизводит свойства той *среды* («мира»), в которой он формировался и существует. Его попытки восприятия и отображения реальности, отличной от «родной» среды, при отсутствии соответствующих «фильтров», вероятнее всего, будут искажены нашей «запрограммированностью» на собственные реалии, что приведёт к появлению «ориенталистских» конструкций («видение своего в чужом»), обнаруженных Э. Саидом в исследуемых им массивах текстов о Востоке. Таким образом, в соответствии

с базовыми положениями его концепции, **деориентализация** означает преодоление или даже устранение *обмирщённости*, заложенной условиями в данном конкретном случае *западной реальности* при обращении к реалиям (среде) Востока. Поиски ответа на принципиальнейший вопрос: а каким образом можно *осуществить* столь сложную процедуру — приобретают особую *актуальность* в *современных условиях*, когда многие обстоятельства буквально кричат о проблемах с *взаимопониманием* в современном мире или *нежеланием* стремиться к нему. Следует отдать должное Э. Саиду: в своих текстах он предложил вариант ответа на поставленный вопрос, рассмотрев сюжет *интеллектуала-изгнанника* — уроженца одной страновой среды, вынужденного впоследствии осуществлять свою деятельность в другом окружении, т.е. прошедший условия *аккультурации*. Обладая непосредственным опытом и знаниями о своей *первичной среде*, а затем, накапливая их уже в *новых обстоятельствах*, он как бы получает необходимые *критерии* для оценки предлагаемых *рассказов* и *текстов* по интересующим нас обществам, странам и регионам.

Размышление над поставленной Саидом проблемой позволяет сформулировать её и в более общем варианте: может ли, в принципе, человек из одной общности реально *понимать* человека *другой общности*, отличающейся по своим основным характеристикам (Другого). Дело в том, что после *постмодернистского вызова* в психологии, социокультурной антропологии и других гуманитарных науках стало распространяться мнение, согласно которому только *представитель изучаемой общности* имеет право рассказывать о ней и описывать её [27; 41]. Получается, что в концепции Э. Саида содержится серьёзная *антропологическая составляющая*, связанная с обсуждением процессов *восприятия человеком* реалий окружающей его среды, а потом *отображения* получившихся результатов в *текстах*, *дискурсах* и других *знаковых системах*. Последнее обстоятельство и даёт мне как антропологу право на участие в дискуссии об ориентализме.

РОССИЙСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ И ОРИЕНТАЛИЗМ

Отечественное востоковедение, недавно перешагнувшее 200-летний рубеж со времени своего основания, отреагировало на ориентализм достаточно спокойно [3; 11]. По мнению В. Бобровикова, оно «...вообще не заметил[о] ориентализма и многолетней полемики вокруг него, отделяясь реферированием отдельных публикаций на эту тему» [3, с. 327—328]. Одну из причин такого отношения объяснил Е.И. Зеленев: «Российское востоковедение, в отличие от европейского и североамериканского, изначально имело *двойственный вектор* развития: наряду с *привнесённым* европейской классической традицией вектором

„европоцентризма“, существовала и „восточная линия самопознания“, носителями которой были *образованные представители азиатско-африканского ареала*». Отдав такую своеобразную дань постмодернизму, он затем был вынужден уточнить: «Конечно же, синдром „мифотворчества о Востоке“ был присущ и российскому востоковедению, поскольку оно возникло и развивалось преимущественно в формате *европейской научной эпистемы*». Автор видит наше преимущество в следующем: «Однако оно (востоковедение. — А.К.) никогда не было только инструментом *колониального подчинения*, напротив, наряду с исследованием зарубежной Азии, оно серьёзно изучало и собственно *российские азиатские пространства*» [8]. Сходная ситуация, по мнению Зеленева, наблюдается и в китайской науке: «Китайскими интеллектуалами делается попытка и более широкого *противопоставления* западного знания (сисюэ), западного ориентализма-востоковедения (дунфансюэ) и национальной науки (госюэ)» [8].

В силу очевидной специфики предмета в российском востоковедении всегда уделялось большое внимание изучению языков, что обусловило интерес к исследованиям соответствующих *языковых картин мира*. Представления о лингвистическом моногенезе человечества, по некоторым данным генетики, и «открытость» таких картин мира для желающих ими заниматься, не очень способствовали признанию концепции ориентализма в России [7, с. 42]. Но эта же специфика создавала почву для убеждённости в своей особой значимости: «Почему именно востоковедение может стать наукой, *объясняющей мир в целом*? Прежде всего потому, что только востоковедение, понимаемое расширенно как востоковедение и африканистика, предлагает *научно-гуманитарное обоснование* дихотомии „Восток — Запад“, что в интерпретации востоковеда означает «Азия — Африка и весь остальной мир» [6, с. 19—20]. Не менее амбициозно представлены и решаемые здесь задачи: «Стратегическая цель новой парадигмы востоковедного научного знания — создание путём комплексного изучения стран и народов афро-азиатского ареала и их влияния на мировое развитие *новой гуманитарной научной картины мира*, необходимой для гармоничного существования *человечества* в целом и каждой *личности* в отдельности» [8]. Хорошо бы такие декларации подкреплять данными о наличии необходимого научного инструментария, обеспечивающего заявленные цели. Показательно также, что при таких масштабах приходится уточнять: «Фактически востоковедение начинает серьёзный спор не за объект исследования, а за *ракурс* рассмотрения проблемы. Дело в том, что китаевед-некитаец и китаевед-китаец *отличаются* именно ракурсом рассмотрения вопроса. Один действует в русле *интровертного*, другой — *экстровертного* логического мышления. В первом случае все силы брошены на покорение внешнего мира, во втором — на приспособление, говоря словами Карла Густава Юнга, к коллективному

бессознательному» [6, с. 20]. Если вся проблема заключается в том, как бы охватить весь мир и всё человечество в соответствующем ракурсе, то где тут место какому-то ограниченному *ориентализму*?

Характеризуя свою научную отрасль в целом, Е.И. Зеленев декларировал: «Общепризнанно, что востоковедение — это комплексная наука, фундаментальную основу *методологии* которой составляет *междисциплинарный синтез*. Уточним, что буквально на наших глазах востоковедение переживает процесс собственного „наукообразования“. На почве изучения азиатско-африканского ареала возникают многообразные исследовательские стратегии, объединённые *единой идеологией научного анализа*, базирующейся на принципах *межкультурных коммуникаций*» [8]. При этом автор сетует, что современное востоковедение находится в кризисном состоянии. Решение проблем он связал с совмещением *специализированных знаний* и *пространственного* подхода с анализом идей-образов цивилизации и применением регионально-цивилизационной парадигмы исследования культуры, геокультуры [8]. Показательно, что со временем Зеленев также продекларировал в своих определениях значение *антропологической составляющей*: «Важнейшим объектом изучения востоковедения во все времена был человек с его многогранными отношениями с мирами, внутренним и внешним, его язык и в самом широком смысле культура... Де-факто *антропологический подход*, наряду с филологическим, историческим и культурологическим аспектами обучения, остаётся краеугольным камнем востоковедного образования...» [9, с. 18]. Однако конкретно теоретические вопросы, связанные с исследованием Востока, так и не получили особого освещения [4; 10].

Тезис о *сложном положении* в современном российском востоковедении рефреном проходит и в публикациях других авторов [12; 13]. Как показал В.А. Захаров, иногда причина неблагоприятных обстоятельств этой дисциплины прямо связывается с изданием и у нас книги Э. Саида, в которой оно «представлено чуть ли не лженаукой» [16]. Сам Захаров не разделял подобных крайностей: «Однако, по мнению Саида, *ориентализм искажил и исковеркал* знание: вместо того, чтобы рассматривать события и явления в ракурсе динамики и опыта истории, что закономерно для всего мира, ориентализм, как правило, уместает их в им же созданные *стереотипы*, вызывая тем самым искусственное *раздвоение*...». Отсюда вывод: «Именно по этой причине ориентализм как дискурс очень уязвим. Он стереотипичен по своему мышлению, а в более широком смысле стереотипичен в претворении своей идеологии» [5, с. 47]. Конечно, ориентализм — это плохо, но возникает закономерный вопрос: а что же дальше? Ведь можно найти и другие мнения на этот счёт: «Если вдуматься, история, этнография и востоковедение Российской империи и Советского Союза предоставляют немалые возможности как для истолкования, так и для критики концепции Саида,

в частности его утверждения об отличии *русского имперского ориентализма* от „классических“ европейских образцов» [3, с. 326]. Но при этом надо понимать, что как имперскость, колониализм, так и ориентализм нам продолжают приписывать «западные благодетели» со всеми вытекающими постколониалистскими последствиями [18; 28].

Для понимания состояния российского востоковедения следует обратить внимание на его оценку В.А. Кузнецовым (МГИМО): «Ввиду кадрового голода даже важнейшие проблемы современного развития региона выпадали из фокуса научного анализа, а академические публикации по современности страдали от *теоретической слабости* и недостатка *системного подхода*» [12, с. 10]. По мнению этого автора, одна из причин подобной слабости заключается «...в том, что касается изучения современности, востоковедение сохранило и методологическую, и институциональную *дистанцию* по отношению к генерализирующим дисциплинам. Сокращение этой дистанции, вероятно, станет одной из задач развития социального знания на следующем этапе» [12, с. 10]. Другую причину он увидел в том, что: «Как характерный для советской науки *позитивистский* подход, так и интегрированность Востока в *российское* культурное пространство не позволяли отечественным учёным рассматривать востоковедение исключительно как науку о *Другом*, хотя и не препятствовали существенным образом восприятию тех новых направлений и методов исследований, которые появились в востоковедении в последние десятилетия» [12, с. 12]. Выход из сложившегося положения автор, в частности, обоснованно связал с поиском «компромисса между стремлением к сохранению классической структуры востоковедного знания и его дальнейшим методологическим и проблемным обогащением» и усилением «методологических оснований востоковедного знания» [12, с. 28].

РОССИЙСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ: МЕЖДУ ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОСТЬЮ И ДЕОРИЕНТАЛИЗАЦИЕЙ

Лейтмотивом публикаций последнего времени стал также следующий тезис: *востоковедение* — *надотраслевая наука*, которой должен соответствовать *трансдисциплинарный* подход. Как показал А.К. Аликберов, «трансдисциплинарность — это выход из *междисциплинарности* на новый уровень *интеграции* знания, когда на передний план выходят не проблемы на стыке двух дисциплин, а *целостное* и всеобъемлющее представление об объекте исследования в рамках *общей системы* научных знаний» [1, с. 729]. Учитывая, что активно обсуждать соответствующий подход стали в 1990-х гг., внедрение этой инновации в востоковедение представляется очень *перспективным*. Дело в том, что

некоторые авторы стали даже говорить «о научной революции трансдисциплинарного типа», которая изменяет стиль мышления и внутреннюю логику рассуждения [2, с. 139]. Отсюда и заявления о необходимости уже *постнормальной науки*, в рамках которой «объективность и однозначность научных предсказаний уже невозможна» [26, р. 364]. Объединяющим моментом для востоковедов и сторонников трансдисциплинарности стало назревшее стремление к преодолению научной *гиперспециализации*.

Для использования преимуществ предлагаемого подхода, учитывая плюрализм его трактовок в литературе, необходимо усвоить заложенные в нём основные идеи. Сначала они были озвучены на знаковом симпозиуме «Трансдисциплинарность. Продвигая синергии, интегрируя знания», организованном ЮНЕСКО в Париже в 1998 г. [42]. Участники симпозиума, в частности, обсудили опасность западного редукционизма перед проявившимися глобальными вызовами, отметили значение в новых условиях понятий *сложность* и *синергия*, а также необходимость развития *антропоцентричного взгляда на мир*. Насколько сложной являются теория и методология использования нового подхода, наглядно показал физик-теоретик Б. Николеску — основатель Международного центра трансдисциплинарных исследований во Франции (CIRET). В его интерпретации: «Трансдисциплинарный подход к *реальности* позволяет нам выделять три варианта значений: 1. Горизонтальное, т.е. фиксация взаимоотношений только на *одном уровне реальности*, чем и занимаются большинство академических дисциплин. 2. Вертикальное — т.е. выявление взаимоотношений на *нескольких уровнях реальности*, как это делают поэзия, искусство и квантовая физика. 3. Значение значения (meaning of meaning), т.е. анализ взаимоотношений, включающих все *составляющие реальности*: Субъекта, Объекта и *Скрытого Третьего* (Hidden Third). В этом последнем требовании и заключается сверхцель трансдисциплинарного подхода» [31, р. 64]. Говоря другими словами и понимая указанные различия, мы должны, тем не менее, рассматривать все эти *уровни* как составные компоненты единого *сложно* организованного явления. Выполняя это условие, мы можем зафиксировать важные свойства подобных образований (объектов) и понять, о каком «третьем» идёт речь: «Пространство между разными уровнями и вне всех уровней является областью *непротивления* (non-resistance) нашему опыту, репрезентациям, описаниям, образам и математическим формулам. Взаимосвязанность разных уровней *Реальности Объекта* и его *комплиментарное пространство непротивления* создают то, что мы называем **трансдисциплинарным объектом**» [31, р. 70]. В свою очередь: «*Пространство непротивления* играет роль *третьего* [посредника] наряду с субъектом и Объектом, а термин *взаимодействие* позволяет объединять трансдисциплинарный Субъект

с трансдисциплинарным Объектом, сохраняя в то же время их *различие*, в последующем это взаимодействие определяется как *Скрытый третий...*» [31, р. 71]. Значение этого «невидимки» проявляется в том, что: «В соответствии с трансдисциплинарным подходом Субъект и Объект находятся в *скрытом Третьем...*» В результате: «Трансдисциплинарный Субъект и его уровни, трансдисциплинарный Объект и его уровни и Скрытый Третий создают особую *трансдисциплинарную реальность*, или *трансРеальность...*» [31, р. 71].

Николеску также отметил: «...трансдисциплинарность основывается на трёх аксиомах: 1. Онтологическая аксиома: существуют *различные уровни* реальности Субъекта и соответственно различные уровни реальности Объекта. 2. Логическая аксиома: *переход* с одного уровня реальности на другой гарантирован логикой *включённого третьего*. 3. Эпистемологическая аксиома: структура *целостности* разных уровней *реальности* отражается в наших знаниях о природе, обществе и о нас самих как целостных структурах; каждый такой уровень является тем, что он есть, потому что все эти уровни существуют *одновременно*» [31, р. 70]. Автор обращает внимание на ещё одно обстоятельство: «При этом каждому отдельному уровню присущи ограничения, т.к. законы, действующие на этом уровне, являются только *частью* тотальности законов, управляющих *всеми* уровнями. И даже *тотальность* всех законов не исчерпывает целостность *реальности...*» [31, р. 70].

Значительное место в концепции трансдисциплинарности Б. Николеску уделено Субъекту и его отношениям со *сложной* реальностью. «Тезис трансдисциплинарности о многомерности уровней реальности приводит к новому представлению Личности, основанному на принятии идеи *скрытого Третьего*. Единство Субъекта определяется наличием Скрытого Третьего, который преобразует знание в *понимание*. „Понимание“ означает совмещение *знания* и *бытия*» [31, р. 73; 32]. Отсюда следует: «...реальность *пластична*. Реальность — это не нечто *внешнее* или *внутреннее* по отношению к нам: она *одновременно* является и тем и другим. Мы являемся *частью* этой *реальности*, которая влияет на наши мысли, чувства и поступки» [31, р. 77].

Методология исследования трансдисциплинарного подхода, как считал Б. Николеску, позволяет снимать проблемы, возникающие на уровне конкретных дисциплин: «Неполнота общих законов, действующих на конкретном уровне Реальности, означает, что здесь в данный момент времени неизбежно проявляются *противоречия* в теории, описывающей этот уровень: кто-то одновременно утверждает А и не-А. Такая ситуация вызывает необходимость обращения к *третьей логике*, позволяющей нам *переходить* с одного уровня Реальности на другой». На этом более высоком уровне противоречивость первичной ситуации оказывается снятой более содержательным утверждением, созданном на основе

более универсальных законов. Но такое «восхождение» не предполагает, если речь не идет о тотальной деконструкции, обратного перехода: «Трансдисциплинарное понятие уровней Реальности несовместимо с редукцией духовного уровня к психическому уровню, психического — к биологическому, биологического — к физическому. Все эти четыре уровня на самом деле объединены через *Скрытого Третьего*». Представив столь *сложное* описание взаимоотношений субъекта и трансцендентной реальности, Николеску приходит к пессимистическому выводу: «Тем не менее такая объединённость *не может быть описана научной теорией...*» [31, р. 73].

Таким образом, трансдисциплинарный подход выдвигает требование подходить к реальности как сложноорганизованной, многоуровневой целостности, объединённость которой не может быть описана до конца средствами современной науки. Тем не менее введение в описание трансдисциплинарной Реальности Объекта и Субъекта, а также Невидимого Третьего, взаимосвязанных между собой, привносит в этот подход очень эвристичный потенциал. Готовы ли современные востоковедение и *area studies* работать в рассматриваемой парадигме, в которой значимую роль играет принцип сложности и особая трактовка качеств субъекта? Если сравнить концепцию Б. Николеску с её высоким уровнем теоретичности с состоянием теоретико-методологических оснований современного востоковедения, ответ скорее должен быть отрицательным. В качестве подтверждения такого вывода можно рассматривать и результаты дискуссии по поводу ориентализма. Её материалы, как и другие публикации, отразили недостаточную компетентность некоторых участников даже в области антропологии и психологии [например, 17]. Поддерживая призыв востоковедов к использованию трансдисциплинарного подхода, следует указать на принятое в нём понимание личности (субъекта) как *части реальности*, в которой значительную роль играет *скрытый третий*. Говоря другими словами, мы все формируемся под влиянием условий определённой среды, которые влияют на наше осмысление другой среды [14]. Такая взаимосвязь и порождает феномен ориентализма, зафиксированный, в частности, Э. Саидом. А значимая для его концепции категория *обмирщённости* по ряду моментов может быть сопоставлена с концептом *скрытого третьего*, который ещё не стал предметом массовых исследований. Поэтому, учитывая, что перед российской наукой сегодня поставлена стратегическая задача — выстраивание отношений с мировым большинством, нужно быть максимально подготовленными к её решению. Это значит, что необходимо в полной мере усвоить теорию и методологию трансдисциплинарного подхода, достижения других социально-гуманитарных наук и решить конкретную задачу по выяснению отношения субъектности наших специалистов к ориентализму, а в случае необходимости — провести и необходимую деориентализацию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аликберов А.К. Комплексность востоковедения, его междисциплинарные и трансдисциплинарные перспективы // *Ориенталистика*. 2022. № 5. С. 722—733.
2. Бажанов В. О феномене трансдисциплинарной научной революции // *Трансдисциплинарность в философии и науке: Подходы, проблемы, перспективы: сб. ст. / Под ред. В. Бажанова, Р.В. Шольца / Рос. акад. наук, Ин-т философии*. М.: НАВИГАТОР, 2015. С. 136—144.
3. Бобровников В. Почему мы маргиналы? Заметки на полях русского перевода «Ориентализма» Эдварда Саида // *Ab Imperio*. 2008. № 2. С. 325—344.
4. Введение в востоковедение. Общий курс / Отв. ред. Е.И. Зеленев, В.Б. Касевич. СПб.: КАРО, 2011. 584 с.
5. Захаров В.А. Российский ориентализм в интерпретации Лермонтова и Саида // *Философские науки*. 2015. № 3. С. 47—70.
6. Зеленев Е.И. Востоковедное научное знание: к новой картине мира // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. 2010. Серия 13. Вып. 4. С. 19—23.
7. Зеленев Е.И. Постижение образа мира. Санкт-Петербург: КАРО, 2012. 335 с.
8. Зеленев Е.И. Современная парадигма востоковедного научного знания // *Избранные тезисы выступлений участников VII съезда российских востоковедов*. 2010. URL: https://www.tuva.asia/journal/issue_8/2560-tezisy.html (дата обращения: 24.12.2023).
9. Зеленев Е.И. Современное востоковедение, европоцентризм и «Восточный вопрос» // *Российское китаеведение*. 2023. № 3 (4). С. 14—32.
10. Концепции современного востоковедения / отв. ред. Е.И. Зеленев, В.Б. Касевич. СПб.: КАРО, 2013. 464 с.
11. Крылов К. Итоги Саида: жизнь и книга // Саид Э.В. *Ориентализм. Западные концепции Востока / пер. с англ. А.В. Говорунова*. СПб.: Русский Мирь, 2006. С. 598—635.
12. Кузнецов В.А. Российское востоковедение: вызовы и перспективы в условиях новой реальности. М.: МГИМО университет, 2023. 32 с.
13. Лукин А.В. Востоковедение: предмет и перспективы развития в России // *Вестник СПбГУ. Востоковедение и африканистика*. 2023. № 2 (15). С. 234—252.
14. Морен Э. *Метод. Природа Природы*. М.: Прогресс-Традиция, 2005. 464 с.
15. Панарин С.А. Эдвард Саид: книга софизмов // *Историческая экспертиза*. 2015. № 2 (3). С. 78—105.
16. Саид Э.В. *Ориентализм. Западные концепции Востока / пер. с англ. А.В. Говорунова*. СПб.: Русский Мирь, 2006. 638 с.
17. Спешнев Н.А. *Китайцы. Особенности национальной психологии*. М.: Каро, 2011. 330 с.
18. Эткинд А. Фуко и тезис внутренней колонизации: Постколониальный взгляд на советское прошлое // *Новое литературное обозрение*. 2001. № 49. С. 50—74.
19. Abdel-Malek A. *Orientalism in Crisis // Diogenes*. 1963. Vol. 44. P. 103—140.
20. Ashcroft B., Ahluvalia P. *Edward Said*. L., NY: Routledge, 2001. 167 p.
21. Bjelic D.I. *Balkan Geography and the De-Orientalization of Freud // Psychology, Geography, History. Journal of Modern Greek Studies*. May 2011. P. 27—49.
22. Buchovski M. *The Specter of Orientalism in Europe: From Exotic Other to Stigmatized Brother // Anthropological Quarterly*. June 2006. Vol. 79 (3). P. 463—482.
23. Childs P., Williams R.J.P. *An Introduction to Post-Colonial Theory*. L., 1997. 250 p.
24. Dabashi H. *Post-Orientalism: Knowledge and Power in Time of Terror*. New Brunswick, London: Transaction Publishers, 2009. 285 p.
25. Francaviglia R.V. *Go East Yung Man. Imagining American West as the Orient*. Logan: Utah State University Press, 2011. 343 p.

26. Funtowicz S.O., Ravetz J.R. Science for the Post-Normal Age // *Futures*, 1993. 25/7 September. P. 739—745.
27. Gardner K., Lewis D. *Anthropology, Development and the Post-Modern Challenge*. L., NY: Pluto Press, 1996. 185 p.
28. Khalid A., Knight N., Todorova M. Ex Tempore: Orientalism and Russia // *Kritika*. 2000. No. 1 (4). P. 691—728.
29. Lewis B. The Question of Orientalism // *The New York Review of Books*. 1982. June 24. URL: <https://www.nybooks.com/articles/1982/08/12/orientalism-an-exchange/> (дата обращения: 11.02.2024).
30. Liping Wang. Orientalization or Deorientalization? Disciplinary Conflicts and National Imaginations in China, 1912—1949 // *Modern China*. 2020. Vol. 46. Iss. 4. P. 339—371.
31. Nicolescu V. The Hidden Third and the Multiple Splendor of Being // *Трансдисциплинарность в философии и науке: Подходы, проблемы, перспективы: сб. ст. / Под ред. В. Бажанова, Р.В. Шольца / Рос. акад. наук, Ин-т философии. М.: НАВИГАТОР, 2015. P. 62—79.*
32. Nicolescu V. The Relationship between Complex Thinking and Transdisciplinarity. URL: http://ciret-transdisciplinarity.org/ARTICLES/Nicolescu_fichiers/MSH15062009.pdf (дата обращения: 14.01.2024).
33. Said E.W. *Culture and Imperialism*. New York: VINTAGE BOOK, 1993. 361 p.
34. Said E.W. *Humanism and Democratic Criticism*. New York: Columbia University Press, 2004. 154 p.
35. Said E.W. *On Late Style: Music and Literature Against the Grain*. New York: Pantheon Books, 2006. 176 p.
36. Said E.W. *Orientalism*. New York: Pantheon Books, 1978. 368 p.
37. Said E.W. Orientalism Reconsidered // *Cultural Critique*. 1985. No. 1. P. 89—107.
38. Said E.W. *Out of Place: a Memoir*. London, 1999. 266 p.
39. Said E.W. *Representation of Intellectuals*. New York: Vintage Books, 1996. 114 p.
40. Said E.W. *The World, the Text and the Critic*. Cambridge: Harvard University Press, 1983. 386 p.
41. Shiraev E.B., Levy D.A. *Cross-Cultural Psychology: Critical Thinking and Contemporary Applications*. 11th ed. New York, London: Routledge, 2021. 507 p.
42. *Transdisciplinarity: Stimulating Synergies, Integrating Knowledges*. Paris. UNESCO Division of Philosophy and Ethics. 1998. 80 p.
43. Young R. *White Mythologies: Writing History and the West*. London: Routledge, 1990. 232 p.
44. Zhong Minguo. Self-orientalization and Its Counteraction against the Cultural Purpose of Gu Hongming in his Discourses and Saying of Confucius // *Theory and Practice in Language Studies*. 2012. Vol. 2. No. 11. P. 2417—2421.
45. Wolff L. *Inventing Eastern Europe. The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment*. Stanford: Stanford University Press, 1994. 419 p.

REFERENCES

1. Alikberov A.K. Kompleksnost' vostokovedeniya, ego mezhdistsiplinarnye i transdistsiplinarnye perspektivy [Complexity of Oriental Studies, Its Interdisciplinary and Transdisciplinary Prospects]. *Orientalistika*, 2022, no. 5, pp. 722—733. (In Russ.)
2. Bazhanov V. O fenomene transdistsiplinarnoy nauchnoy revolyutsii [On the Phenomenon of Transdisciplinary Scientific Revolution]. *Transdistsiplinarnost' v filosofii i nauke: Podkhody, problemy, perspektivy: sb. st.* [Transdisciplinarity in Philosophy and Science: Approaches, Problems, Prospects: Collection of Articles]. Ed. by V. Bazhanov, R.V. Shol'ts. Russian Academy of Science, Institute of Philosophy. Moscow, NAVIGATOR Publ., 2015, pp. 136—144. (In Russ.)

3. Bobrovnikov V. Pochemu my marginaly? Zametki na polyakh russkogo perevoda «Orientalizma» Edvarda Saida [Why Are We Outcasts? Notes on the Margins of the Russian Translation of “Orientalism” by Edward Said]. *Ab Imperio*, 2008, no. 2, pp. 325—344. (In Russ.)
4. *Vvedenie v vostokovedenie. Obshchiy kurs* [Introduction to Oriental Studies. A General Course]. Executive eds. E.I. Zelenev, V.B. Kasevich. Saint Petersburg, KARO Publ., 2011, 584 p. (In Russ.)
5. Zakharov V.A. Rossiyskiy orientalizm v interpretatsii Lermontova i Saida [Russian Orientalism Interpreted by Lermontov and Said]. *Filosofskie nauki*, 2015, no. 3, pp. 47—70. (In Russ.)
6. Zelenev E.I. Vostokovednoe nauchnoe znanie: k novoy kartine mira [Oriental Scientific Knowledge: Towards a New Worldview]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*, 2010, series 13, iss. 4, pp. 19—23. (In Russ.)
7. Zelenev E.I. *Postizhenie obraza mira* [Comprehension of the World Image]. Saint Petersburg, KARO Publ., 2012, 335 p. (In Russ.)
8. Zelenev E.I. Sovremennaya paradigma vostokovednogo nauchnogo znaniya [The Modern Paradigm of Oriental Scientific Knowledge]. *Izbrannye tezisy vystupleniy uchastnikov VII s'ezda rossiyskikh vostokovedov* [Selected Abstracts of the Participants of the Seventh Congress of Russian Orientalists]. 2010. Available at: https://www.tuva.asia/journal/issue_8/2560-tezisy.html (accessed 24.12.2023). (In Russ.)
9. Zelenev E.I. Sovremennoe vostokovedenie, evropotsentrizm i «Vostochnyy vopros» [Modern Oriental Studies, Eurocentrism and the “Eastern Question”]. *Rossiyskoe kitaevedenie*, 2023, no. 3 (4), pp. 14—32. (In Russ.)
10. *Kontseptsii sovremennogo vostokovedeniya* [Concepts of Modern Oriental Studies]. Executive ed. E.I. Zelenev, V.B. Kasevich. Saint Petersburg, KARO Publ., 2013, 464 p. (In Russ.)
11. Krylov K. Itogi Saida: zhizn' i kniga [Said's Results: Life and a Book]. *Said E.W. Orientalizm. Zapadnye kontseptsii Vostoka* [Said E.V. Orientalism. Western Conceptions of the Orient]. Transl. from Eng. by A.V. Govorunov. Saint Petersburg, Russkiy Mir Publ., 2006, pp. 598—635. (In Russ.)
12. Kuznetsov V.A. *Rossiyskoe vostokovedenie: vyzovy i perspektivy v usloviyakh novoy real'nosti* [Russian Oriental Studies: Challenges and Prospects in the New Reality]. Moscow, MGIMO universitet Publ., 2023, 32 p. (In Russ.)
13. Lukin A.V. Vostokovedenie: predmet i perspektivy razvitiya v Rossii [Oriental Studies: Subject and Prospects of Development in Russia]. *Vestnik SPBGU. Vostokovedenie i afrikanistika*, 2023, no. 2 (15), pp. 234—252. (In Russ.)
14. Moren E. *Metod. Priroda Prirody* [Method. The Nature of Nature]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2005, 464 p. (In Russ.)
15. Panarin S.A. Edward Said: kniga sofizmov [Edward Said: A Book of Sophisms]. *Istoricheskaya ekspertiza*, 2015, no. 2 (3), pp. 78—105. (In Russ.)
16. Said E.V. *Orientalizm. Zapadnye kontseptsii Vostoka* [Orientalism. Western Conceptions of the Orient]. Transl. from Engl. by A.V. Govorunov. Saint Petersburg, Russkiy Mir Publ., 2006, 638 p. (In Russ.)
17. Speshnev N.A. Kitaytsy. *Osobennosti natsional'noy psikhologii* [The Chinese People. Features of National Psychology]. Moscow, Karo Publ., 2011, 330 p. (In Russ.)
18. Etkind A. Fuko i tezis vnutrenney kolonizatsii: Postkolonial'nyy vzglyad na sovetskoe proshloe [Foucault and the Thesis of Internal Colonization: A Postcolonial View of the Soviet Past]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2001, no. 49, pp. 50—74. (In Russ.)
19. Abdel-Malek A. Orientalism in Crisis. *Diogenes*, 1963, vol. 44, pp. 103—140. (In Eng.)
20. Ashcroft B., Ahluvalia P. *Edward Said*. London, New York, Routledge Publ., 2001, 167 p. (In Eng.)
21. Bjelic D.I. Balkan Geography and the De-Orientalization of Freud. *Psychology, Geography, History. Journal of Modern Greek Studies*, May 2011, pp. 27—49. (In Eng.)

22. Buchovski M. The Specter of Orientalism in Europe: From Exotic Other to Stigmatized Brother. *Anthropological Quarterly*. June 2006, vol. 79 (3), pp. 463—482. (In Eng.)
23. Childs P., Williams R.J.P. *An Introduction to Post-Colonial Theory*. London, 1997, 250 p. (In Eng.)
24. Dabashi H. *Post-Orientalism: Knowledge and Power in Time of Terror*. New Brunswick, London, Transaction Publishers Publ., 2009, 285 p. (In Eng.)
25. Frantsaviglia R.V. *Go East Yung Man. Imagining American West as the Orient*. Logan, State University Press Publ., 2011, 343 p. (In Eng.)
26. Funtowicz S.O., Ravetz J.R. Science for the Post-Normal Age. *Futures*, September 1993, pp. 739—745. (In Eng.)
27. Gardner K., Lewis D. *Anthropology, Development and the Post-Modern Challenge*. London, New York, Pluto Press Publ., 1996, 185 p. (In Eng.)
28. Khalid A., Knight N., Todorova M. Ex Tempore: Orientalism and Russia. *Kritika*, 2000, no. 1 (4), pp. 691—728. (In Eng.)
29. Lewis B. The Question of Orientalism. *The New York Review of Books*, 1982, June 24. Available at: <https://www.nybooks.com/articles/1982/08/12/orientalism-an-exchange/> (accessed 11.02.2024). (In Eng.)
30. Liping Wang. Orientalization or Deorientalization? Disciplinary Conflicts and National Imaginations in China, 1912—1949. *Modern China*, 2020, vol. 46, iss. 4, pp. 339—371. (In Eng.)
31. Nicolescu B. The Hidden Third and the Multiple Splendor of Being. *Transdisciplinarnost' v filosofii i nauke: Podkhody, problemy, perspektivy: sb. st.* [Transdisciplinarity in Philosophy and Science: Approaches, Problems, Prospects: Collection of Articles]. Ed. by V. Bazhanov, R.V. Shol'ts. Russian Academy of Science, Institute of Philosophy. Moscow, NAVIGATOR Publ., 2015, pp. 62—79. (In Eng.)
32. Nicolescu B. The Relationship between Complex Thinking and Transdisciplinarity. Available at: https://ciret-transdisciplinarity.org/ARTICLES/Nicolescu_fichiers/MSH15062009.pdf (accessed 14.01.2024). (In Eng.)
33. Said E.W. *Culture and Imperialism*. New York, VINTAGE BOOK Publ., 1993, 361 p. (In Eng.)
34. Said E.W. *Humanism and Democratic Criticism*. New York, Columbia University Press Publ., 2004, 154 p. (In Eng.)
35. Said E.W. *On Late Style: Music and Literature Against the Grain*. New York, Pantheon Books Publ., 2006, 176 p. (In Eng.)
36. Said E.W. *Orientalism*. New York, Pantheon Books Publ., 1978, 368 p. (In Eng.)
37. Said E.W. Orientalism Reconsidered. *Cultural Critique*, 1985, no. 1, pp. 89—107. (In Eng.)
38. Said E.W. *Out of Place: a Memoir*. London, 1999, 266 p. (In Eng.)
39. Said E.W. *Representation of Intellectuals*. New York, Vintage Books Publ., 1996, 114 p. (In Eng.)
40. Said E.W. *The World, the Text and the Critic*. Cambridge, Harvard University Press Publ., 1983, 386 p. (In Eng.)
41. Shiraev E.B., Levy D.A. *Cross-Cultural Psychology: Critical Thinking and Contemporary Applications*. 11th ed. New York, London, Routledge Publ., 2021, 507 p. (In Eng.)
42. *Transdisciplinarity: Stimulating Synergies, Integrating Knowledges*. Paris. UNESCO Division of Philosophy and Ethics Publ., 1998, 80 p. (In Eng.)
43. Young R. *White Mythologies: Writing History and the West*. London, Routledge Publ., 1990, 232 p. (In Eng.)
44. Zhong Minguo. Self-orientalization and Its Counteraction against the Cultural Purpose of Gu Hongming in his Discourses and Saying of Confucius. *Theory and Practice in Language Studies*. 2012, vol. 2, no. 11, pp. 2417—2421. (In Eng.)
45. Wolff L. *Inventing Eastern Europe. The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment*. Stanford, Stanford University Press Publ., 1994, 419 p. (In Eng.)